
УДК 303.01 327

*Кузнецов А.М., Козинец А.И.
Kozinets, A.M. Kuznetsov A.I.*

**Незападные теории международных отношений –
от маргинальности к признанию**

**Non-Western International Relations Theories –
from Marginality to Recognition**

В статье рассматриваются современные работы в области теории международных отношений (ТМО) специалистов из Индии, Китая и России. Проводимые ими исследования включаются в направление, известное как «незападные теории». Авторы связывают появление такого варианта теорий с общим кризисом теории международных отношений.

Ключевые слова: *теория, международные отношения, западный, Индия, Китай, Россия*

This article covers contemporary works in the sphere of International Relations Theory (IRT) by specialists from India, China and Russia. Their research can be labeled as 'Non-Western theories'. Authors see connection between emergence of such type of theories with the crisis in IRT in general.

Key words: *Key words: theory, international relations, non-Western, China, India, Russia*

К постановке проблемы

Последняя четверть прошлого столетия оказалась ознаменованной новыми трендами в развитии международных отношений и связанными с ними вызовами. В частности, неожиданно и весомо заявило о себе такое образование, как АТР. При этом также стало очевидным, что, несмотря на прошедшие очередные «великие дебаты», международно-политическая наука и, прежде всего, её теоретическая часть не смогла ни предсказать столь значительные изменения, ни предложить адекватные ответы на них. Поэтому теория международных отношений (ТМО) стала объектом постоянной критики. Иногда она производилась в достаточно корректной форме, например: «Несмотря на почти столетнее теоретизирование, международные и глобальные политические события постоянно преподносят сюрпризы ученым и практикам...» [25, р. 1]. Но очень часто критические выпады декларировали не просто кризис, но полную дискредитацию теории в данной отрасли науки. Не случайно на конвенте Ассоциации международных исследований 2012 г. три секции

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** akuzn@vimo.dvfu.ru

КОЗИНЕЦ Андрей Игоревич, аспирант кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** kozinets.andrei@gmail.com

при большом стечении участников обсуждали наступление конца теории. А ведь как всё хорошо начиналось!

В конце 1950-х гг. С. Хоффман утверждал, что именно теория международных отношений, которая особенно активно развивается, как и вся политическая теория, в Соединённых Штатах, сможет теперь интегрировать разные отрасли науки [27, p. 348]. Но после вызова постмодернизма конца 1960-х гг. американская, да и вся западная наука вместо искомого синтеза разбилась на отдельные противоборствующие течения. Разные современные авторы признают фактическую бесплодность «великих дебатов», так как «с одной стороны, они вроде как являлись междисциплинарными, но с другой – приняли интровертированный, сугубо международный характер. Как следствие, представители разных теоретических школ оказались вовлечёнными в обсуждение все более мелких тем, все чаще и чаще описывая все менее и менее значимое [14, p. 5,9]. В результате, оказалось, что «современное состояние теории МО лучше всего может быть охарактеризовано в виде фрагментированного набора различных направлений, каждое со своими лидерами, гуру, академическими штабами и изданиями...» [24, p. 186]. Неудивительно, что в такой ситуации появились призывы не только к полному отказу от каких-либо теорий, но и специфические предложения по решению проблемы. «В паузе, вызванной окончанием великих дебатов, или, по крайней мере, их временной отсрочкой, эклектическая теория может выиграть важные преимущества... По моему мнению, она представляет будущее международных отношений» [29, p. 568, 572]. Говоря другими словами, надо не придерживаться какой-либо одной теории, а использовать для решения различных проблем подходящие идеи из разных теорий или откуда-то там еще [40]. С вполне определенным антитеоретическим посылом заявила о себе быстро набравшая популярность методология «анализа конкретных ситуаций».

Мало того, в социологии в 1970-е гг. была внедрена в исследовательское поле проблема методологического национализма. В самом общем виде её можно сформулировать как неоправданную универсализацию концепций, созданных на основе реалий одних стран, для анализа ситуации в других странах [22]. Постмодернистская переоценка прежних установок позволила некоторым авторам утверждать, что и теория международных отношений является порождением сугубо западной идеологии. «В эти годы объяснение мировой политики белым человеком, мужчиной, англо-американским профессором МО, выглядело радикально отличным от того, которое мы могли бы услышать от калеки, истощённого ребёнка, голодной молодой женщины из охваченной войной Африки» [3, с 313].

Однако проблемы с теорией породили ещё одно неожиданное последствие – призывы к разработке «незападных» теорий международных отношений. Сначала индийские историки и другие специалисты в 1960-е гг. начали активно дебатировать идею постколониализма. Согласно приемлемому определению, «термин «постколониализм» в самом общем выражении может быть представлен как многосторонний политический, экономический, культурный и философский ответы колониализму с момента его победного утверждения до настоящего времени ...» [26, p. 1]. После этого Э. Саид выступил ещё со своей концепцией ориентализма, продемонстрировавшей, насколько западные представления о Ближнем и Среднем Востоке оказывались далеки от действительности. Начало нового столетия уже демонстрирует активные усилия специалистов-международников по продвижению исламских, китайских, корейских, японских, наконец, российских и других вариантов ТМО [18].

Учитывая современное состояние рассматриваемой области, сам по себе такой факт уже не вызывает удивления. Но для того, чтобы отнестись к нему более предметно, рассмотрим наиболее показательные варианты новых «национальных» теорий международных отношений. В широко обсуждаемом сегодня «подъёме Азии» роль драйверов в этом процессе отводится Китаю и Индии. В качестве активного актора мировой политики сегодня возвращается Россия. Поэтому будет интересно рассмотреть, каким образом исследователи этих великих держав, обладающих богатыми историческими традициями и серьёзным потенциалом в сфере религиозно-философской и научной мысли, стремятся внести свой вклад в оказавшуюся не в лучшем положении ТМО. С учетом масштабности поставленной исследовательской задачи мы будем вынуждены остановиться на базовой аргументации ключевых научных публикаций.

Варианты теории международных отношений в КНР

Наука международных отношений стала развиваться в КНР в общем русле реформ в 1980-е гг. С этого времени регулярно проходили мероприятия по международным проблемам и стали издаваться переводы работ ведущих зарубежных специалистов в данной области. Новые возможности, в том числе, стажировки и обучение в американских университетах позволили научной общественности усвоить основные положения современного «мейнстрима» теории международных отношений. Однако уже в 1987 г. на первой большой конференции по международным отношениям в Шанхае было озвучено предложение развивать собственную теорию. Такие же призывы обсуждались на конференциях в Пекине в 1991 и 1994 гг. Достаточно оперативно в декабре 2004 г. в Шанхае состоялась конференция на тему «Строить китайскую теорию, создавать китайскую школу». Показательно также, что с середины 2000-х гг. наблюдается заметный рост числа публикаций по проблемам теории с китайской спецификой [12, с. 102].

К настоящему времени сообщество специалистов-международников в Китае увеличилось количественно и развилось качественно. Освоение основных достижений западной науки и их критичное преломление через призму собственных реалий и традиций, позволило исследователям заложить на сегодняшний день даже несколько основных направлений развития ТМО в КНР. При этом, как признают сами вовлечённые в этот процесс авторы, их теоретический поиск мотивирован стремлением дать более глубокое обоснование тезиса о мирном развитии Китая

В 2005 г. сотрудник Института философии Китайской академии общественных наук Чжао Тинян опубликовал книгу «Система Тянься», которая в сразу стала бестселлером как в Китае, так и за его пределами [41]. Фактически, современный «раунд» дебатов вокруг китайской ТМО начался именно с этой работы, хотя сама она и представляет собой, по большей части, философский трактат, а не работу по теории международных отношений. Профессор Чжао отмечает, что одной из главных проблем развивающегося Китая является то, что, несмотря на наращивание экономической и военной мощи, современный Китай не является лидером в производстве глобального знания, а эта составляющая крайне необходима для становления КНР настоящей великой/сверх державой. По мнению этого автора, остальной мир также сегодня заинтересован в новых китайских идеях, так как проблемы этой страны сегодня оказывают влияние на весь мир.

Основной тезис работы Чжао Тиняна может быть сведен к тому, что сегодня мы пока можем говорить не о целостном мире, а о мире «несостоявшемся», так как пока ещё не сложилась общая глобальная идентичность, а основной реальностью является столкновение интересов и

идентичностей разных государств и народов. Не согласен автор и с идеей складывания единого мирового сообщества, которое управлялось бы общепризнанным международным институтом. По его мнению, мир по-прежнему находится в состоянии «гоббсианских джунглей» [48]. Такие организации и объединения, как ООН или ЕС, Чжао Тинян называет «агорой без полиса» [48, p. 16].

В качестве решения данной проблемы этот автор предлагает переосмыслить классическую концепцию «Тянься» (Поднебесная). В древней китайской мысли концепт «Поднебесная» имел сразу тройное значение: физическое (буквально «вся земля под небом»), психологическое (сердца и умы людей) и политическое (глобальная институция, выражавшая на практику идею «мира – единой семьи») [49, p. 30–36]. В рамках такого философского подхода для достижения всеобщей гармонии за единицу анализа необходимо принимать весь мир в целом. Как подчеркивает Чжао Тинян, в китайской теории гармония – это необходимое онтологическое условие для существования и развития вещей. При этом, в соответствии с китайской традицией, гармония рассматривается в качестве принципа сосуществования, при котором метафизика отношений важнее, чем онтология бытия. Китайская философия не рассматривает бытие «как таковое», поскольку ничто не может существовать «само по себе» до тех пор, пока оно не определено через взаимоотношения с другими явлениями. Понимание такой логики является необходимым условием для полноценного восприятия гармонии как основного принципа взаимоотношений между разными явлениями [48].

Как полагает Чжао Тинян, современные международные процессы делают вопрос о создании настоящего общемирового института особенно актуальным. По его мнению, сегодня существует угроза трансформации в условиях глобализации некоторых государств в новые империи. Он даже называет такое государство прямым текстом – это США. Автор считает, что американцы придумали удачную формулу – «американское лидерство», которая фактически прикрывает стремление к гегемонии колониального типа [48, p. 6–7]. Сам Чжао Тинян полагает, что действительно справедливый и успешно функционирующий миропорядок может быть построен на основе идей греческой агоры и китайской Тянься, образуя гармоничное слияние античной и конфуцианской традиций [48, p. 17].

Влиятельное направление в разработках собственно ТМО прочно ассоциируется с именем Цинь Яциня и Китайским университетом международных отношений (КУМО). Важно отметить, что КУМО напрямую связан с МИД КНР и во многом отвечает за дипломатию второй дорожки страны. Профессор Цинь развивает теорию, основанную на идеях связей (*гуаньси*) и процесса, которые объединены с рядом положений процессуального конструктивизма [34]. При этом подход этого автора, в отличие от конструктивизма и английской школы, больше фокусируется на процессах, а не на так называемой структуре, и основывается на китайской диалектике *инь-ян*, а не гегельянской. Сам Цинь Яцин определяет процесс в качестве «динамических отношений». Как считает этот автор, благодаря интер-субъектным практикам, именно в рамках таких процессов формулируются национальные интересы, устанавливаются международные нормы и создаётся общая коллективная идентичность. Преимущество диалектики *ин-янь*, в отличие от гегельянской, автор видит в том, что она позволяет рассматривать отношения между двумя противоположными субъектами не обязательно как конфликтные [35, p. 133]. Сам Цинь Яцин считает, что такой подход гораздо лучше объясняет причины сотрудничества и конфликта между акторами международных отношений с различным культурным и цивилизационным бэкграундом.

«Реляционное управление» – другая важная идея рассматриваемой концепции. Такое управление отличается от управления западного типа, основанного на закреплённых нормах. Реляционное управление представляется в виде процесса достижения социально-политических договорённостей, закладывающих отношения в обществе для поддержания порядка, в котором участники ведут себя в духе взаимного сотрудничества, взаимного доверия, общего понимания социальных норм и ценностей [34].

Свой вариант теории международных отношений разрабатываются специалистами университета Цинхуа. Лидером этого направления является Янь Сюэтун – декан факультета международных отношений этого университета. Профессор Янь фактически является реалистом и не поддерживает идеи создания «китайской школы МО» или «ТМО с китайской спецификой», считая, что социальные науки, как и естественные, должны быть глобальными и не могут делиться согласно национальному признаку. Таким образом, Янь Сюэтун является лидером направления, которое пытается сохранить единую («западную») науку о международных отношениях, привнося в неореализм традиционные китайские идеи и концепты.

Начиная с 2005 г., группа исследователей Цинхуа проанализировала интеллектуальное наследие семи древних китайских мыслителей: Лао-цзы, Мо-цзы, Конфуция, Мэнь-цзы, Гуань-цзы, Сюн-цзы и Ханфей-цзы. Основные результаты проделанной работы были представлены в книге Янь Сюэтуна «Древняя китайская мысль, современная китайская сила», вышедшей в свет в 2011 г. [46]. Прежде всего, автор классифицирует здесь идеи древних мыслителей по критерию высказанных ими эпистемологических идей (концептуальный детерминизм, дуализм и материалистический детерминизм), а также определяет уровень анализа в их представлениях (системный, государственный или индивидуальный). Рассмотрев, как древние мыслители воспринимали идею международного порядка (международного), обсуждающихся в работах классиков – гуманная власть, гегемония и тирания [46, p. 84–91].

Тиранию, базирующуюся исключительно на военной мощи, профессор Янь считает концептом неактуальным для современности и фокус своего исследования направил на сравнение гегемонии и гуманного правления. В первом случае порядок достигается силой, политическими альянсами – полным «набором» идей реализма и неореализма о гегемонии. Гуманное правление же основывается в первую очередь на морали и справедливости. Такая модель власти рассматривается в качестве более развитой, так как в этом случае «захватываются не материальные ресурсы, а сердца и умы людей» [46].

Янь Сюэтун считает, что классическое китайское понимание морали, власти и силы может обогатить существующие парадигмы в ТМО. Во-первых, мораль может рассматриваться, как нечто, обеспечивающее легитимность использования силы [7]. С учётом того, какое внимание автор уделяет традиционной китайской философии (в первую очередь – конфуцианству) и морали, неудивительно, что подход Цинхуа называют также «моральный реализм» или «конфуцианский реализм» [47. p. 95].

Индийский взгляд на теорию международных отношений

Развитие исследований в области международных отношений в Индии, несмотря на, казалось бы, более выгодные стартовые условия, чем в Китае (британское наследие), началось позже и протекало гораздо медленнее. «Постколониальный синдром» индийского руководства привёл к тому, что сотрудничество с ведущими западными державами было

практически сведено на нет, чтобы избежать дальнейшего «империалистического влияния». Соответственно, это лишало индийских учёных сферы общественных наук возможности перенимать передовой опыт западных коллег [20, p. 110]. Исследования в области гуманитарных и общественных наук также не рассматривались приоритетными для только недавно обретшего независимость государства. Поэтому госфинансирование, в первую очередь, направлялось на технические дисциплины и экономические исследования. К тому же развитие индийской ядерной программы стало фактором, тормозящим желание самих западных стран (в первую очередь – США) развивать научное сотрудничество с Индией, даже в области социальных исследований. Лишь начиная с 90-х гг. XX в. стало развиваться научное сотрудничество, а индийские учёные начали активно контактировать с американскими и европейскими коллегами [33, p. 133–135]. Несмотря на некоторые позитивные изменения, международные отношения как наука по-прежнему испытывают в Индии ряд проблем. Острым остаётся вопрос нехватки соответствующего финансирования, своё негативное влияние оказывают отсутствие профессиональной ассоциации индийских учёных-международников и программ мотивации научных кадров [33, p. 136–137].

Тем не менее, в стране сегодня наблюдается определённый прогресс в разработке теории международных отношений. Как и в китайском случае, индийские специалисты обращаются к философским работам и трактатам в качестве потенциального источника для развития новых концепций в социальных науках. Главным образом, здесь речь идёт об «Артхашастре» Каутильи, являющейся набором инструкций по вопросам государственного управления, сборником правил и рекомендаций, которым должен следовать правитель или администратор, если он желает приумножить или сохранить имеющуюся силу и власть. Уже с начала XX в. исследователи обращали своё внимание на то, что идеи, изложенные в древнеиндийском трактате, могут рассматриваться как «прото-теория» и даже заложить основу «индуисткой теории международных отношений» [38]. Современные исследователи смогли продолжить теоретические разработки на основе индуистских идей.

В частности, доцент университета Нью-Дели Дипшиха Шахи предложил оригинальную концепцию адвайтического монизма в ТМО. Идея адвайты восходит к философской традиции, контрастирующей западному сциентизму [28]. С точки зрения данного подхода, весь мир воспринимается уже в качестве соединённой/единой реальности, в рамках которой такие уровни анализа, как «государство» и «мир», рассматриваются как онтологически равноценные. В этом случае выбор конкретного уровня анализа является политически мотивированным и отражающим исследовательскую predisposition. Идея «единой тайной связанности» позволяет говорить о том, что нации-государства или даже отдельные индивиды являются суб-реальностями в рамках связанной глобальной реальности, при этом, суб-реальности и глобальная реальность не являются онтологически различными по своей природе, несмотря на то, что они аналитически дифференцируемы. Таким образом, реальность характеризуется всепроникающей связью между микро- и макромиром – отдельными индивидами, государствами и миром в целом [39].

В отличие от китайской теории, в которой речь идёт о целостном мире, который можно и нужно построить *в будущем*, а пока мы имеем «несостоявшийся мир» с различными идентичностями и противоречиями, индийское учение рассматривает единый мир как уже существующее явление. Однако осознание этого факта остаётся важной интеллектуальной задачей. Как отмечает Д. Шахи, в подходах, принятых в Китае, ключевым фактором выступают связи. В этом смысле китайская концепция

холизма в ТМО совпадает с западными идеями, продвигаемыми в той же мир-системной теорией. Дело в том, что акцент на первичности связей в обоих случаях, по его мнению, дает основание утверждать, что «мир» не существовал до тех пор, пока европейское международное сообщество не распространило свои связи на другие регионы мира. Предлагаемый индийский вариант, по мнению его создателя, может стать основой «пост-западной» ТМО, с тем преимуществом, что в нем будет снята проблема «единицы анализа», так как все такие единицы должны рассматриваться в качестве равнозначных, а также будет преодолена дуалистическая эпистемологии, являющаяся интеллектуальным продуктом Запада [39, р. 325–330].

Заслуживает также внимания концепция «повторного применения» Субрат Митры для проведения анализа международных отношений. Согласно идее автора, политические, религиозные и культурные процессы должны рассматриваться не линейно эволюционными, а как продолжающиеся модификации своих прошлых вариантов с возможностью периодического возвращения к предыдущим формам. Он использует эту концепцию в качестве эвристического инструмента для анализа и интерпретации культурных и политических изменений, наряду с транснациональным распространением идей и норм. Концепция «повторного применения» призвана продемонстрировать, как элементы из прошлого адаптируются в настоящем и становятся частью нового модерна [31].

Наиболее заметный вклад в развитие диалога о незападных вариантах ТМО внёс работающий с 90-х гг. XX в. США и Канаде индийский исследователь Амитав Ачарья. Став первым «незападным» президентом крупнейшей профессиональной Ассоциации исследователей-международников (International Studies Association), в период 2014–2015 гг. он активно продвигал исследовательскую программу «Глобальной науки о международных отношениях». Фактически, А. Ачарья является одним из главных «локомотивов» продвижения проблематики незападной/пост-западной ТМО. Для него центральным также является вопрос о западном/американском доминировании в исследованиях МО. Однако этот автор несколько скептически относится к идее создания отдельных национальных школ, так как они могут оказаться ещё более ограниченными, чем существующие сегодня западные теории. Рассуждая об этом на примере работ китайских международныхников, А. Ачарья напоминает, что они должны были постоянно задаваться вопросом о том, насколько их теория полезна и применима не только к Китаю, но к международным отношениям в целом [15, р. 5].

Свою мысль о необходимости обеспечения взаимодополнительности западных и незападных теорий он развивает на примере работ китайского теоретика Цинь Яцина. Автор отмечает, что «Цинь заявляет о том, что реляционность (relationality) применима для описания и анализа международных отношений в разных регионах мира, включая Запад, несмотря на своё происхождение из исконно китайской традиции. Если это так, то работы Циня соответствуют повестке развития глобальной науки о МО. Тем не менее, необходимо учитывать, что западные акторы также могут вести себя реляционно на международной арене, но из-за чрезмерного внимания, которые западные теории уделяют вопросам рациональности, данный аспект оказался ими упущен» [15, р. 6]. Фактически, Ачарья говорит о том, что китайских теоретиков, в той или иной степени, можно отнести к уже оформившимся парадигмам и дискурсам ТМО. Поэтому им не надо делать акцент на отличиях, а стараться инкорпорировать свои новые теории, не отвергая уже существующие [15, р. 7].

По его мнению, для развития глобальной науки о МО актуальнее исследовать вопрос взаимного «обучения» цивилизаций друг у друга. Ачарья также подчёркивает, что сделать важные теоретические и концептуальные обобщения можно на основе анализа особенностей процессов регионализма и регионализации во всем обширном многообразии не-Запада. Особо при этом он выделяет важность вопроса о развитии на данной основе обновлённой эпистемологии и методологии исследований. В качестве примера он приводит обширный индуистский эпос и буддийскую философию, тем самым предлагая развивать современные методы научного познания на основе классических работ философского и даже религиозного характера [16, р. 634–636]. К другим важным темам, которые способны стать источником для глобальной науки о МО А. Ачарья считает исследование вопросов генеалогии международных систем, дальнейшее изучение человеческого (личностного) уровня в международных отношениях, а также «агентской роли» глобального Юга [17].

Российская перспектива ТМО

Теоретическое становление российской науки о международных отношениях проходило неоднозначно. В течение советского периода была уже заложена определённая познавательная традиция, которая характеризуется приверженностью холистическому принципу при анализе проблем и преимущественно философским стилем теоретизирования. В условиях ниспровержения марксизма многие специалисты в качестве панацеи от всех возникавших проблем стали рассматривать западные образцы, включая уже и вполне сложившуюся здесь науку о международных отношениях с её теоретическим арсеналом. Тем не менее, оказалось, что активно продвигаемая тогда «парадигма усвоения» привела к, казалось бы, совершенно неожиданному следствию: в нашей стране также стали появляться призывы к отказу от зарубежного «импорта».

Одну из первых удачных попыток осмыслить складывающуюся в нашей стране ситуацию с теорией международных отношений предпринял А.Д. Богатуров [2]. По его наблюдениям, в результате «поворота на Запад» у нас появился примечательный дискурс, в соответствии с которым в публикациях стал доминировать не анализ, а формальное описание-перевод. Сам же автор был уверен в том, что наша задача заключалась «в возврате Западу интеллектуального долга, то есть во «встречном» внедрении в западный оборот оригинальных разработок». Отметив проблемы, с которыми столкнулась общая теория МО, российский исследователь приходит к заключению: «Назрел поворот к изучению реальности во всех её противоречиях и параллельному продвижению к созданию собственной теории, которая перестала бы рассматривать местные особенности, невместимые в западные схемы в качестве девиаций и патологии». В своей исследовательской программе А.Д. Богатуров предложил создавать «сфокусированную» теорию, способную «моделировать целостную картину мира... из опыта и действительности той части мира, к которой независимо от культурных тяготений элит принадлежит пространство и... гео-культурно наша страна» [2].

Понятно, что в стороне от обсуждения темы российской теории международных отношений не мог оставаться и П.А. Цыганков. Оценивая текущее состояние проходивших дискуссий и становящийся угрожающим плюрализм мнений в международных отношениях, российский исследователь констатировал: «...общая теоретическая картина выглядит ещё довольно смутной, а в тех случаях, когда её очертания приобретают какие-то чёткие контуры, она нередко остаётся односторонней, отражая идейные, концептуальные и иные предпочтения авторов» [11, с. 15]. Касаясь вопроса о состоянии нашей науки, он высказывался не

менее определено: «...исследования МО в России уже начинают пробуксовывать. Последнее обстоятельство, как полагает П.А. Цыганков, обусловлено характерной для России склонностью к философствованию, нередко осложняющей «необходимость спуститься с небес абстракции за землю прикладных исследований» [10].

В ряде с публикаций, подготовленных совместно П. А. Цыганковым и А.П. Цыганковым, были рассмотрены взгляды на проблемы в данной сфере политических лидеров и глав ведущих партий России. В результате у них реактуализировалась традиционная дихотомия – «западничество-почвенничество» [42]. Основываясь на результатах специально проведённого опроса, эти исследователи отмечают, что большинство российских специалистов, так или иначе, высказались за необходимость разработки собственных теорий международных отношений. Однако наши авторы предупреждают, что в стремлении создавать свой национальный вариант теории международных отношений важно учесть противоречие глобального и частного (локального). Позиция авторов статьи в данном вопросе сводится к тому, что нам необходима глобальная научная интеграция и мобилизация национального знания [43, 44, 45].

В одной из недавних работ П.А. Цыганков и А.П. Цыганков приняли также попытку междисциплинарного подхода к разработке отечественного варианта теории международных отношений. Они предложили подойти к этой проблеме с позиции социологии знания, заложенной К. Манхеймом и М. Вебером, а также этнологии. В результате авторы пришли к выводу, что и «российская теория международных отношений должна основываться на наших базовых интеллектуальных традициях представления «Себя» (своего Я), «Другого» и их соотношении» [44].

Изменение фокуса рассмотрения проблемы обусловило некоторые коррективы и в авторских оценках традиций российской науки. Теперь в ней были выделены такие направления, как западничество, этатизм, цивилизационный подход. В заключении П.А. Цыганков и А.П. Цыганков приходят к выводу, что российская теория международных отношений (РТМО) должна быть как продуктом собственной интеллектуальной истории, так и результатом синтеза глобальной и локальной исследовательских традиций [44].

Затем в отдельной статье А.П. Цыганкова было высказано убеждение, что российская теория международных отношений уже состоялась как самостоятельное направление. Вместе с тем начавшийся XXI в., как полагает этот автор, в целом характеризуется спорами сторонников универсализма (как реалистов, так и либералов) и плюралистов. Сам А.П. Цыганков призвал к преодолению крайностей этих направлений [9].

Вполне естественно, что в обсуждение проблемы российской теории международных отношений включились и наши известные специалисты Т.А. Алексеева и М.М. Лебедева. Т.А. Алексеева выступает за сближение теории данного направления с политической философией и полагает, что в результате должна сложиться самостоятельная наука, которая одновременно будет срезом совокупности всех социальных наук [1, с. 32–33]. Но она не может проигнорировать и рост интереса к национальным школам в теории, который объясняет их пока ещё меньшей идеологической нагруженностью. При этом было сделано предостережение против чрезмерной увлечённости данным новшеством по причине опасности скатиться в банальный провинциализм [1, с. 33–34]. Сегодня же, по мнению автора, ТМО вновь должно быть придано «общечеловеческое начало» [с. 35]. Поэтому Т.А. Алексеева предлагает на современном

этапе работать и с метатеорией, и с партикуляристскими подходами [1, с. 34].

Как полагает М.М. Лебедева, на современном этапе для того, чтобы внести собственный вклад в теорию, необходимо использовать эвристический потенциал концепта «стратегическая культура». Кроме того она видит благоприятные возможности, которые открывает внедрение идеи «зоны ближайшего развития» Л.С. Выготского. Заслуживает, по её мнению, внимания и концепция диалога в версии М.М. Бахтина [5, с. 88]. Кроме того, М.М. Лебедева высказалась за воссоздание единой политической теории, уточнив при этом: «Я бы предложила за термином «международные отношения» оставить их историческую принадлежность к межгосударственным отношениям, которые в современном мире являются ключевым понятием, понятие же «мировая политика» – отнести ко всему комплексу политических отношений в мире» Она обращает также внимание на особенности организации и институционализации нашей науки о международных отношениях. Поскольку у нас исследования международных отношений состоялись раньше, чем оформилась собственно политология, но оба этих направления ещё недостаточно институционализировались, то, как полагает М. М. Лебедева, мы без труда можем обеспечить восстановление единой политической науки [5].

Существуют и другие публикации, которые так или иначе затрагивают тему российской теории. [4; 8; 13; 30].

Некоторые итоги и перспективы развития западных ТМО

Таким образом, ведущие специалисты разных стран высказались за необходимость разработки собственных «западных» вариантов теории международных отношений. Такая позиция вполне соответствует современному состоянию теории международных отношений. Но вот вопрос о том, какими должны быть наши теории и как их формировать, во многом остаётся открытым.

В качестве положительного момента рассмотренных публикаций можно указать фиксацию в них отправных моментов для последующих исследований. В их числе: предложения использовать эвристические идеи из философии и разных отраслей знаний, констатация комплексности предмета международных исследований и взаимосвязанности его компонентов, обоснование необходимости синтеза глобальных и региональных концепций, существование различных образов мира, интеллектуальных традиций и ряд других. Однако, эти идеи ещё не получили в западных теориях реализации в полной мере.

Обращает также внимание, что авторы рассмотренных работ не пытаются обосновать свой исходный концепт – «теория», ограничиваясь только рабочими определениями. Между тем, если посмотреть на современную практику использования самого этого термина, то можно обнаружить, что он заменяет собой идею методологии, категорию гипотезы, обозначает абсолютно голословные заявления и вообще даёт основание утверждать – у каждого может быть своя теория.

Такое положение дел стало возможно потому, что из употребления теоретиков-международников как-то выпало и такое важное понятие, как «эмпирическое обобщение», имеющее отношение к мониторингу ситуаций в разных частях мира, их фиксации и первичной систематизация. Деятельность подобного рода также необходима и важна, но только не для создания теорий, а для верификации исходных идей и гипотез из теоретического арсенала определенных картин мира. Можно согласиться с определением, согласно которому научная картина мира представляет собой «... форму теоретического знания, репрезентирующая

предмет исследований, соответствующий определённому этапу развития науки, форму посредством которой интегрируются и систематизируются конкретные знания, полученные в различных областях научного поиска» [7, с. 41]. Точно также научные теории формируются на основе верифицированных через эмпирическую реальность идей из научных картин мира и представляют собой целостное представление предмета наших исследований, характеризистку его базовых признаков. Поэтому будет большой ошибкой полагать, что можно выстроить сильную, обладающую высокими эвристическими возможностями теорию на основе отдельной научной отрасли.

Показательно также, что «незападные» авторы почти не обсуждают концепт сложности, занимающий важное место в разных областях естественно-научного и социального знания. Вполне очевидно, что международные отношения по своей природе могут быть отнесены к категории не просто сложных, но повышенной сложности явлений. Вызывает также вопрос, почему ведущие индийские, китайские и российские теоретики обошли вниманием современные разработки в области системной парадигмы для решения современных международных проблем [32].

Следует учитывать, что преимущество западной академической традиции состоит и в том, что она усвоила современные достижения социальных наук, в том числе нейронауки, и на новом уровне может обсуждать те же проблемы рациональности. Поэтому можно согласиться с теми авторами, которые высказали предложение разрабатывать на современном этапе два направления ТМО. Первое должно преодолеть ограниченность западных концепций за счёт систематизации и обобщения реалий других частей мира, в том числе Восточной Азии и АТР в целом. Отсюда понятна актуальность формирования незападных школ. Но при этом необходимо сосредоточить усилия на разработке общетеоретической картины международных отношений, искать не только то, что нас разделяет, но и то, что объединяет. Сделать же такой прорыв можно только в том случае, если ТМО пройдёт новый этап «парадигмы усвоения», на этот раз связанный с овладением теоретических достижений других отраслей знания. Как представляется, российская и китайская наука обладают необходимым потенциалом для решения поставленных задач.

Литература

1. Алексеева Т. А., Лебедева М. М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. 2016. № 1. С. 29–43.
2. Богатуров А. Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.
3. Бус К. Вызов незнанию: теория МО перед лицом будущего // Международные отношения: социологические подходы. М. Гардарика. 1998. С. 307–331.
4. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов» // Полис. 2013. № 3. С. 66–78.
5. Лебедева М. М. Развитие российских международных исследований: возможный вклад в развитие мировой науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Серия 6. Выпуск 2. С. 83–95.

6. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: Пер се. 2005. 416 с.
7. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: Институт философии РАН. 1994. 282 с.
8. Хрусталева М. Две ветви ТМО в России // Международные процессы. Том 4. № 2 (11) май-август 2006.
9. Цыганков А.П. Российская теория международных отношений: какой ей быть // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65–81.
10. Цыганков П.А. Перспективы развития теории международных отношений в России в условиях глобализации // Мировая политическая теория. Теория. Методология. Процедуры анализа. М.: НОФМО, 2005.
11. Цыганков П.А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика. Под ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет. 2004. С. 15–37.
12. Чжан Жуйчжуан, А. Королев. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96–110.
13. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом миропорядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002) М.: ИСКРАН. 2002. 445 с.
14. Aalto P., Harle V., Moisio S. Introduction // International Studies. Interdisciplinary Approaches. Ed. by Aalto P., Harle V., Moisio S. Palgrave Macmillan. NY. 2011. P 3–30.
15. Acharya A. Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // International Studies Review. 2016. Vol. 18 № 0. P. 1–12.
16. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West // Millennium: Journal of International Studies. 2011. Vol. 39. № 3. P. 619–637.
17. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds // International Studies Quarterly. 2014. Vol. 58. № 4. P. 647–659.
18. Acharya A., Buzan B. Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia / Routledge: London&New York. 2010 242 p.
19. Acharya A., Buzan B. Why Is There No Non-Western International Relations Theory? // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. № 7(3). P. 287–312.
20. Bajpai K. Obstacles to Good Work in Indian International Relations // International Studies – 2009. Vol.46. P. 109–128.
21. Behera N.C. Re-imagining IR in India // International Relations of the Asia-Pacific. 2007. Vol. 7. № .3. P. 341–368.
22. Beyond the Methodological Nationalism. Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies, ed. by A. Amelina, D. Nergiz, T. Faist, N. Glick Schiller. NY.L. Routledge. 2012. P. 1–22.
23. Creutzfeldt, B. Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism, the Tsinghua School of International Relations, and the Impossibility of Harmony // Theory Talks [Electronic resource] URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html>.
24. Griffiths M. Rethinking Theory of International Theory. NY. Palgrave Macmillan. 2011.
25. Harrison N. Thinking About the World We Make // Complexity in World Politics: Concepts and methods of a New Paradigm. SUNY Press. 2007. P. 1–24.
26. Hiddleston J. Understanding Postcolonialism. Acumen. 2009. 202 p.
27. Hoffmann S.H. International Relations: The Long Road to Theory // World Politics. Vol. X1. N 2 April 1959. P. 346–377.
28. Jones R.H. Science and Mysticism: A Comparative Study of Western Natural Science, Theravada Buddhism, and Advaita Vedanta / Bucknell University Press. 2016. 266 p.

29. Lake D. Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in International Relations // *European Journal of International Relations*. September 2013. Vol. 19. N 3. P. 567–587.

30. Lebedeva M.M. International Relations Studies in the USSR/Russia: Is There a Russian National School // *Global Society*. 2004. Vol. 18. N 3. July. P. 263–278.

31. Mitra S., Hegewald J. *Re-Use – The Art and Politics of Integration and Anxiety* / New Delhi: Sage. 2012. 368 p.

32. *New Systems Theories of World Politics*, ed. by M. Albert, L.E. Cederman, A. Wendt. Palgrave Macmillan. 2010. 328 p.

33. Paul T.V. Integrating International Relations Studies in India to Global Scholarship // *International Studies* Vol. 46. 2009 № 1–2. P. 129–145.

34. Qin Yaqing. Culture and Global thought: Chinese International Relations Theory in the making // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals* 2012. № 100. P. 67–89.

35. Qin Yaqing. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's peaceful Rise // *Chinese Journal of International Politics*. № 2. P. 129–153.

36. Qin Yaqing. Relationality and processual construction: bringing Chinese ideas into International relations theory // *Social Sciences in China*. 2009. Vol. 30. № 4. P. 5–20.

37. Ren Xiao. Toward a Chinese School of International Relations? // *China and the New International Orders*, ed. by Wang Genwu, Zheng Yongnian. NY. Routledge. 2008. P. 293–309.

38. Sarkar B.K. Hindu Theory of International Relations // *American Political Science Review*. 1919. Vol. 13. № 3. P. 400–414.

39. Shahi D., Ascione G. Rethinking the absence of post-Western International Relations theory in India: 'Advaitic monism' as an alternative epistemological resource // *European Journal of International Relations* 2016. № . 2. P. 313–334.

40. Sil R., Katzenstein P. *Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics*. NY. Palgrave. 2010. 263 p.

41. The Implications of "Tianxia" as a New World System // [Electronic resource] URL: <http://china.usc.edu/implications-tianxia-new-world-system>.

42. Tsygankov A., Tsygankov P. *New Directions in Russian International Studies: Pluralism, Vesternization, and Isolationism* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2004. Vol. 37. N 1.

43. Tsygankov P., Tsygankov A. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // *International Studies Review*. 2008 Vol, 10. N 4.

44. Tsygankov A., Tsygankov P. *Russian Theory of International Relations* // *International Studies Encyclopedia*, ed. by R.A. Denmark. Vol. X. Hoboken HJ: Willey-Blackwell Publisher. 2010. P. 6375–6382.

45. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian IR Theory: The Crisis of Global-Pluralist Discipline // *European Review of International Studies*. 2014. Vol. 1. N 2. P. 92–106.

46. Yan Xuetong. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* / Princeton and Oxford: Princeton University Press 2011. 311 p.

47. Zhang F. The Tsinghua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // *Chinese Journal of International Politics* 2012. № .5. P. 73–102.

48. Zhao T. A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tian-Xia) // *Diogenes*. 2009. Vol. 56, № 1. P. 5–18.

49. Zhao T. Rethinking Empire from the Chinese Concept "All-under-Heaven" // *Social Identities*. 2006. № 1. P. 29–41.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Alekseeva T. A., Lebedeva M. M. CHto proiskhodit s teoriej mezhdunarodnykh otnoshenij // *Polis*. 2016. № 1. S. 29–43.
2. Bogaturov A. D. Desyat' let paradigmy osvoeniya // *Pro et Contra*. 2000. T. 5. № 1.
3. Bus K. Vyzov neznaniyu: teoriya MO pered litsom budushhego // *Mezhdunarodnye otnosheniya: sotsiologicheskie podkhody*. M. Gardariki. 1998. S. 307–331.
4. Konyshchikov V. N., Sergunin A. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: kanun novykh «velikikh debatov» // *Polis*. 2013. № 3. S. 66–78.
5. Lebedeva M. M. Razvitie rossijskikh mezhdunarodnykh issledovanij: vozmozhnyj vklad v razvitie mirovoj nauki // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2015. Seriya 6. Vypusk 2. S. 83–95.
6. Rossijskaya nauka mezhdunarodnykh otnoshenij: novye napravleniya / pod red. A. P. TSYgankova, P. A. TSYgankova. M.: Per se. 2005. 416 s.
7. Stepin V. S., Kuznetsova L. F. Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoj tsivilizatsii. M.: Institut filosofii RAN. 1994. 282 s.
8. Khrustalev M. Dve vetvi TMO v Rossii // *Mezhdunarodnye protsessy*. Tom 4. № 2 (11) maj-avgust 2006.
9. TSYgankov A. P. Rossijskaya teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: kakoj ej byt' // *Sravnitel'naya politika*. 2014. № 2. S. 65–81.
10. TSYgankov P. A. Perspektivy razvitiya teorii mezhdunarodnykh otnoshenij v Rossii v usloviyakh globalizatsii // *Mirovaya politicheskaya teoriya. Teoriya. Metodologiya. Protседury analiza*. M.: NOFMO, 2005.
11. TSYgankov P. A. EHvolyutsiya zapadnykh teoreticheskikh podkhodov k issledovaniyam mezhdunarodnykh otnoshenij // *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. Pod red. A. V. Torkunova. M.: MGIMO-Universitet. 2004. S. 15–37.
12. CHzhan ZHujchzhuan, A. Korolev. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij s kitajskoj spetsifikoj: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. № 3. S. 96–110.
13. SHakleina T. A. Rossiya i SSHA v novom miroporyadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshhestvakh Rossii i SSHA (1991–2002) M.: ISKRAN. 2002. 445 s.
14. Aalto P., Harle V., Moisio S. Introduction // *International Studies. Interdisciplinary Approaches*. Ed. by Aalto P., Harle V., Moisio S. Palgrave Macmillan. NY. 2011. P. 3–30.
15. Acharya A. Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions // *International Studies Review*. 2016. Vol. 18 № 0. P. 1–12.
16. Acharya A. Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West // *Millennium: Journal of International Studies*. 2011. Vol. 39. № 3. P. 619–637.
17. Acharya A. Global International Relations (IR) and Regional Worlds // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. № 4. P. 647–659.
18. Acharya A., Buzan B. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia* / Routledge: London & New York. 2010. 242 p.
19. Acharya A., Buzan B. Why Is There No Non-Western International Relations Theory? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. № 7(3). P. 287–312.
20. Bajpai K. Obstacles to Good Work in Indian International Relations // *International Studies* – 2009. Vol. 46. P. 109–128.
21. Behera N. C. Re-imagining IR in India // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. № 3. P. 341–368.
22. Beyond the Methodological Nationalism. *Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies*, ed. by A. Amelina, D. Nergiz, T. Faist, N. Glick Schiller. NY, L. Routledge. 2012. P. 1–22.

23. Creutzfeldt, B. Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism, the Tsinghua School of International Relations, and the Impossibility of Harmony // Theory Talks [Electronic resource] URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html>.
24. Griffiths M. Rethinking Theory of International Theory. NY. Palgrave Macmillan. 2011.
25. Harrison N. Thinking About the World We Make // Complexity in World Politics: Concepts and methods of a New Paradigm. SUNY Press. 2007. P. 1–24.
26. Hiddleston J. Understanding Postcolonialism. Acumen. 2009. 202 r.
27. Hoffmann S.H. International Relations: The Long Road to Theory // World Politics. Vol. X1. N 2 April 1959. P. 346–377.
28. Jones R.H. Science and Mysticism: A Comparative Study of Western Natural Science, Theravada Buddhism, and Advaita Vedanta / Bucknell University Press. 2016. 266 p.
29. Lake D. Theory is dead, long live theory: The end of the Great Debates and the rise of eclecticism in International Relations // European Journal of International Relations. September 2013. Vol. 19. N 3. P. 567–587.
30. Lebedeva M.M. International Relations Studies in the USSR/Russia: Is There a Russian National School // Global Society. 2004. Vol. 18. N 3. July. P. 263–278.
31. Mitra S., Hegewald J. Re-Use – The Art and Politics of Integration and Anxiety / New Delhi: Sage. 2012. 368 p.
32. New Systems Theories of World Politics, ed. by M. Albert, L.E. Cederman, A. Wendt. Palgrave Macmillan. 2010. 328 p.
33. Paul T.V. Integrating International Relations Studies in India to Global Scholarship // International Studies Vol. 46. 2009 № 1–2. R. 129–145.
34. Qin Yaqing. Culture and Global thought: Chinese International Relations Theory in the making // Revista CIDOB d'Afers Internacionals 2012. № 100. P. 67–89.
35. Qin Yaqing. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's peaceful Rise // Chinese Journal of International Politics. № 2. P. 129–153.
36. Qin Yaqing. Relationality and processual construction: bringing Chinese ideas into International relations theory // Social Sciences in China. 2009. Vol. 30. № 4. P. 5–20.
37. Ren Xiao. Toward a Chinese School of International Relations? // China and the New International Orders, ed. by Wang Genwu, Zheng Yongnian. NY. Routledge. 2008. P. 293–309.
38. Sarkar B.K. Hindu Theory of International Relations // American Political Science Review. 1919. Vol. 13. № 3. P. 400–414.
39. Shahi D., Ascione G. Rethinking the absence of post-Western International Relations theory in India: 'Advaitic monism' as an alternative epistemological resource // European Journal of International Relations 2016. № . 2. P. 313–334.
40. Sil R., Katzenstein P. Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. NY. Palgrave. 2010. 263 p.
41. The Implications of "Tianxia" as a New World System // [Electronic resource] URL: <http://china.usc.edu/implications-tianxia-new-world-system>.
42. Tsygankov A., Tsygankov P. New Directions in Russian International Studies: Pluralism, Vesternization, and Isolationism // Communist and Post-Communist Studies. 2004. Vol. 37. N 1.
43. Tsygankov P., Tsygankov A. Self and Other in International Relations Theory: Learning from Russian Civilizational Debates // International Studies Review. 2008 Vol. 10. N 4.
44. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian Theory of International Relations // International Studies Encyclopedia, ed. by R.A. Denmark. Vol. X. Hoboken HJ: Wiley-Blackwell Publisher. 2010. P. 6375–6382.

45. Tsygankov A., Tsygankov P. Russian IR Theory: The Crisis of Global-Pluralist Discipline // *European Review of International Studies*. 2014. Vol. 1. N 2. P. 92–106.
46. Yan Xuetong. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* / Princeton and Oxford: Princeton University Press 2011. 311 p.
47. Zhang F. The Tsinghua Approach and the Inception of Chinese Theories of International Relations // *Chinese Journal of International Politics* 2012. № .5. P. 73–102.
48. Zhao T. A Political World Philosophy in Terms of All-under-Heaven (Tian-Xia) // *Diogenes*. 2009. Vol. 56, № 1. P. 5–18.
49. Zhao T. Rethinking Empire from the Chinese Concept “All-under-Heaven” // *Social Identities*. 2006. № 1. R. 29–41.